Для цитирования: Нехамкин В. А. Географический детерминизм как направление в философии истории XVIII–XIX вв.: возможности и ограничения // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 119–128.

УДК 140.8; 910.1

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ XVIII–XIX вв.: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 119602,
г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корпус 1.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

В работе оценивается роль географического детерминизма в формировании философии истории XVIII–XIX вв. Обосновывается тезис, согласно которому данное направление исходило из положения о включенности социальной истории в природную среду, их коэволюционном развитии в противовес прежде доминировавшей антропоцентрической историософии. В рамках географического детерминизма автором выделяются следующие модели: климатоцентристская и аквацентристская. Констатируется, что сторонники первой исходили из доминирования климата, второй – водоемов в их влиянии на общество. Выделены предпосылки, базовые положения, позитивные стороны и недостатки каждой модели. Показан эвристический потенциал данных моделей в историософии XVIII–XIX вв. Выявляется неоднозначное влияние климато- и аквацентризма на становление различных концепций в философии истории XX–XXI вв. Демонстрируется, что географический детерминизм выступал в роли своеобразной парадигмы в историософии XX столетия и позднее.

Ключевые понятия:
модель,
географический детерминизм,
климатоцентризм,
аквацентризм,
философия истории.

Введение

Философия истории и отражающий ее термин, как известно, появились во второй половине XVIII в. благодаря Вольтеру [24, с. 60]. Конечно, эмпирический материал на данную тематику начал накапливаться еще с античности, но быстрое концептуальное оформление указанной философской дисциплины (имеющей предметом теоретический анализ исторического процесса) происходит именно в эпоху Просвещения. Исследованиями в подобном русле начинают интересоваться И. Г. Гердер, И. Кант, Г. Гегель и многие другие мыслители. Столетие спустя в философии истории обнаруживается уже ряд устойчиво сформировавшихся направлений. Ее научная ветвь (существующая наряду с провиденциальной – Бл. Августин и метафизической – Г. Гегель), по мнению Х. Раппопорта, включает следующие подходы: физико-климатический (базируется на факторе наличия естественной среды), физиолого-психологический (в основе − историческая среда), культурно-исторический (человеческая личность) [23, с. 79]. Суть первого из них (речь о котором и пойдет в дальнейшей работе) Х. Раппопорт выражает так: «Исходит из того, что человек представляет неотъемлемую часть физической природы» [23, с. 80].

Как же мыслители столь быстро (примерно за сто лет) пришли к подобному выводу о включенности и детерминации истории общества природой? Ведь еще в античности историки преимущественно редуцировали свой предмет исключительно к социуму (так, в «Истории» Геродота читаем, что он собирал сведения о прошлом, чтобы «великие деяния как эллинов, так и варваров... не остались в безвестности» [Цит. по: 12, с. 33]), а окружающий ландшафт выступал лишь фоном для развертывания действий людей? Зачем потребовалось включить «физико-климатический» подход в структуру философии истории? В каких концепциях он выражался? Каково его методологическое значение и какие теоретические конструкции он породил в дальнейшем? В чем «физико-климатический» подход (чаще называемый в XX в. «географическим детерминизмом») ныне устарел, а в чем может быть полезен нынешним специалистам по философии истории? Ответы на указанные вопросы и будут даны в работе.

Предпосылкой становления географического детерминизма в философии истории можно считать проявившуюся среди ученых и мыслителей XVIII в. идею о том, что

социальная история – продолжение истории природной. Наиболее законченное выражение она нашла в работе И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784), которая открывается утверждением: «Философия истории человеческого рода должна начать с небес, чтобы быть достойной своего имени» [7, с. 13]. От физического мира И. Г. Гердер переходит к биологическому, а только потом – к социальному. Причем философ прекрасно видит связи живого и косного, одушевленного и неодушевленного, пронизывающие физический, биологический, социальный миры закономерности. Он пишет: «Как растение, человек и животное рождаются из семени, и семя, зародыш будущего дерева, тоже нуждается, чтобы вырасти, в теплой материнской оболочке... И жизнь нашу можно сравнить с жизнью растения: мы прорастаем, растем, цветем, отцветаем, умираем» [7, с. 40]. Следовательно, человек и общество существуют не сами по себе (как полагали некоторые античные, средневековые историки и философы, редуцирующие исторический процесс к истории человечества), а в рамках физического и биологического миров.

Однако констатировать подобный тезис мало. Возникает вопрос о факторах физического и биологического мира, решающим образом влияющих на формирование общества. И здесь начинается обширная дискуссия (особенно острая среди мыслителей XVIII в.). В качестве подобных параметров предлагались: климат (Ж. Боден, Ш. Л. Монтескье); рельеф местности и почва (Ш. Л. Монтескье); воздух, его состав (Ж.-Б. Дюбо); «картина природы» (синтез климата, пищи, почвы, ландшафта у Г. Бокля [5]); водные ресурсы, под влиянием которых формировалось человечество (Л. И. Мечников) и даже <...> пища[1], употребляемая человеком.

Разумеется, рассмотреть в статье все подобные элементы построения историософских коэволюционных социо-природных концепций XVIII–XIX вв. не представляется возможным. Однако наиболее популярными (распространенными среди мыслителей) из данных факторов, позволивших создать особые законченные, относительно внутренне непротиворечивые теоретические конструкции, выступали климат и вода. В работе они (на основе базовых параметров построения) названы климато- и аквацентрическими (от слова «аква» − вода) моделями. Отсюда автором ставится и будет далее решаться задача по выявлению предпосылок, базовых положений, эвристического потенциала указанных моделей.

Следует предупредить читателя: наше исследование неизбежно носит искусственно ограниченный характер. Ведь каждый конкретный мыслитель XVIII−XIX столетия часто стремился к синтезу разных факторов (к примеру, Ш. Л. Монтескье признавал существенное влияние на социум не только климата, но и рельефа местности, типа почвы, а Г. Бокль «прибавлял» к ним еще и пищу, которой люди питаются). Впрочем, иначе, без абстрагирования, работать станет крайне трудно.

Подобная задача определила и использованные в работе методы: моделирование (при выделении изучаемых моделей), структурно-функциональный анализ (при вычленении предпосылок и базовых положений изучаемых моделей), абстрагирование (от иных кроме климата и водных пространств факторов, использовавшихся в географическом детерминизме, при реконструкции климато- и аквацентризма), сравнительный анализ (для сопоставления указанных моделей между собой и иными теоретическими конструктами в рамках географического детерминизма).

Климатоцентрческая модель в философии истории

Идею о зависимости становления общества от типа климата высказал еще Аристотель в работе «Политика»: «Племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностями к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии» [2, с. 601].

Впрочем, через три века после Аристотеля Страбон приписывал данную мысль еще легендарному автору «Одиссеи» Гомеру, который отмечал, что европейские народы живут в умеренном климате и потому процветают. В подтверждение тезиса античный географ приводил следующие слова Гомера

[1] Например, Я. Молешотт прямо утверждал: «Нельзя отрицать, что превосходство англичан и голландцев перед туземцами из колоний зависит от превосходства их мозга, которое обуславливается превосходством крови, зависящем от пищи» [19, с. 7]. Сходного мнения придерживался и Ж. О. Ламетри: «...Как велика власть пищи! Она рождает радость в опечаленном сердце...» [17, с. 183].

о Менелае (почти «предвосхищавшие» позицию философов XVIII в.): «Ты за пределы Земли, на поля Елисейские будешь /Послан богами… / Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает, / Где сладкошумно летающий веет Зефир Океаном» [25, с. 8]. Страбон четко зафиксировал и связь географии (включая климат) с политикой, ее нужность для властителей: «Ведь государи могут лучше управлять каждой отдельной страной, зная, как она велика, как расположена, в чем отличительные особенности ее климата и почвы» [25, с. 15].

В результате еще в античности сформировались предпосылки климатоцентрической модели в философии истории. Во-первых, на психологию народов и типы государственного устройства влияют географические факторы. Во-вторых, доминирующий среди них – климат. В-третьих, последний воздействует на формы (технологии) управления, используемые конкретным правителем. Данные тезисы предстояло увязать в систему базовых положений, что сделали мыслители XVI–XVII вв. и эпохи Просвещения.

На мой взгляд, сущность климатоцентрической модели выражают следующие положения (ярко отразившиеся еще в XVI в. у Ж. Бодена). Во-первых, каждая страна (исходя из доминирующего типа климата) должна была относиться к одной из трех групп: северной, южной, умеренной. У Ж. Бодена формально есть Восток и Запад, но один отнесен к югу, другой – к северу [4, с. 80–81]. Во-вторых, северная и южная зоны признавались некими крайностями, негативно влияющими на социальное развитие, а умеренная – позитивно (ибо якобы снимала их). Так, Ж. Боден просто поделил землю от экватора до полюса на три части: «Мы отдадим 30 градусов жаре, столько же градусов – холоду и отведем 30 градусов той температурной зоне, в которой можно жить удобно и счастливо…» с определенными нюансами (горы, болота, отдельные зоны неплодородных почв и т. д.) [4, с. 80]. В-третьих, к странам с умеренным климатом в силу случайного «совпадения» попадало государство, где проживал данный (европейский) автор (например, Ж. Боден относил сюда кроме Италии, Верхней Германии, части Испании еще и «родную» Францию [4, с. 87]). В-четвертых, практиковалось выведение линейных зависимостей в системе «климат – социум». Логика оказывалась крайне простой: при жарком климате возникает одна политическая система, при холодном – другая, при умеренном − третья. В-пятых, при таком подходе стимулировался поиск базового фактора, лежащего в основе самого климата: воздух (Ж.-Б. Дюбо), качество «внутренности Земли», ее испарений (Ж. Боден). Это обстоятельство положительно сказывалось на методологии философии истории, ибо активизировало поиск здесь причинно-следственных связей естественного происхождения (в отличие от креационистских версий философии истории Бл. Августина, И. Флорского, Ж. Боссюэ и др.).

Наиболее законченную в европейской философии версию климатоцентризма представил Ш. Л. Монтескье в XVIII в. в работе «О духе законов». Государства по типу господствующего климата поделены на «жаркие» (южные), «холодные» (северные), умеренные, где данным фактором определяется их политический режим. «Есть страны, жаркий климат которых настолько истощает тело и до того обессиливает дух, что люди исполняют там всякую трудную обязанность только из страха наказания. В таких странах рабство менее противно разуму; и так как там господин столь же малодушен по отношению к своему государю, как его раб по отношению к нему самому, то гражданское рабство сопровождается в этих странах политическим рабством» [20, с. 366]. Люди, живущие в государствах с холодным климатом, не только физически крепче, но и активнее, чем их собратья с юга. Причина опять-таки заключается в типе «воздуха». Как полагает Ш. Монтескье, «холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу» [20, с. 350]. Однако здесь затруднено развитие «разума», ибо сила людей уходит на выживание, сопротивление природе. Впрочем, редко возникают и деспотические политические режимы.

Разумеется, лучшие страны – те, где доминирует умеренный климат (и проживает сам Ш. Монтескье). «В Европе, напротив, умеренный пояс очень обширен; и хотя он охватывает страны с весьма различными климатами, например, Испанию с Италией и Норвегию со Швецией, однако так как климат становится более холодным от юга к северу лишь постепенно, почти пропорционально широте каждой страны, то каждая страна по своему климату весьма сходна с соседней; в этом отношении там не встречается резких различий, и, как я только что сказал, умеренный пояс занимает там очень большое пространство» [20, с. 388]. Отсюда у Ш. Монтескье следуют далеко идущие политические выводы: «В Азии народы

противостоят друг другу, как сильный слабому; народы воинственные, храбрые и деятельные непосредственно соприкасаются с народами изнеженными, ленивыми и робкими, поэтому один из них неизбежно становится завоевателем, а другой − завоеванным. В Европе, напротив, народы противостоят друг другу как сильный сильному; те, которые соприкасаются друг с другом, почти равно мужественны. Вот где великая причина слабости Азии и силы Европы, свободы Европы и рабства Азии, причина, насколько мне известно, никем еще не выясненная. Вот отчего в Азии свобода никогда не возрастает, между тем как в Европе она возрастает или убывает, смотря по обстоятельствам» [20, с. 389]. Получается своеобразная логика: либо из Европы в Азию приходят «воинственные, храбрые и деятельные» народы, либо один из местных народов почему-то становится таковым и подчиняет «изнеженных, ленивых и робких» соседей.

Каковы итоги развития модели? Они оказались противоречивыми. С одной стороны, климат как элемент природной среды признали важным фактором исторического процесса различные представители европейской историософии. Однако, с другой стороны, доминирующим видели его далеко не все мыслители. Так, по мнению Вольтера, «три вещи влияют на человеческий разум: климат, правительство и религия». Но их иерархия различна: «Климат имеет некоторое влияние, но правительство *в сто раз большее* (курсив мой – *В. Н.*). Религия вместе с правительством обладает еще большим влиянием» [Цит. по: 14, с. 191].

У климатоцентристов возникали трудности и в методологии анализа. Соотношение климата с иными факторами природной среды как детерминантами исторического процесса либо не фиксировалось совсем, либо произвольно менялось мыслителем в разных произведениях. Здесь господствовал полный плюрализм. У Ш. Монтескье наряду с климатом признавалось влияние на ход исторического процесса и рельефа местности [20, с. 391], и характера почвы [20, с. 392]. Лучше дела обстояли в позиции Ж.-Б. Дюбо. Он вывел более «длинный» причинно-следственный ряд, чем Ш. Монтескье. Считал, что дух человека определяется его кровью, она – воздухом, которым люди дышат, начиная с детства. «Сами же качества воздуха зависят от испарения почвы, которую обволакивает этот воздух» [11, с. 391]. Допустим, Ж.-Б. Дюбо прав. Однако возникает резонный вопрос: где остановиться, на каком факторе, ведь очевидно, что и «испарения почвы» тоже от чего-то зависят? Ответа нет. Вместо этого в цепи «испарения почвы − воздух – кровь − дух человека – характер народа» Ж.-Б. Дюбо опять объявляет доминирующим элементом «воздух», который ранее поставил в зависимость от «испарений почвы». На противоречие внимание не обращается. Мыслитель делает следующий «убедительный» вывод: «причины перемен, происходящих в нравах и одаренности жителей разных стран, следует искать в изменениях, затрагивающих свойства тамошнего воздуха, подобно тому, как отличия между характерами разных народов принято объяснять разницей между свойствами воздуха их стран» [11, с. 422]. Логика Ж.-Б. Дюбо снова буквально «держится» за воздух. Короче говоря, понять, какими факторами детерминируется климат как параметр исторических трансформаций, выстроить их в систему у климатоцентристов не получилось.

Наконец, явно просматривается европоцентризм климатоцентристов, их желание отождествить регион собственного проживания с умеренным климатом, «лучшим» из существующих типов, что порой тоже приводило к существенным противоречиям. Попробуем объявить (как полагал Ш. Монтескье) европейские народы поголовно «мужественными», «деятельными» в противовес «изнеженным, ленивым и робким» жителям Азии, проживающим на юге. Тезис входит в противоречие с историческими фактами. Например, экспансия Османской империи (большая часть территорий которой располагалась в жарком климате) в Европу продолжалась более 150 лет и была остановлена под Веной только в 1683 г. Получалось, что османы были более деятельными и мужественными, чем европейцы, которые с ними боролись. Но тогда практика опровергает постулат о превосходстве народов, живущих в умеренном климате над иными, проживающими в жарком, что тоже не говорит в пользу климатоцентристов.

В итоге понятие «климат» оставалось неопределенным и, как правило, отождествлялось с температурными максимумами в данной местности (отсюда его оценки мыслителями как «жаркого», «холодного», «умеренного»). Однозначной дефиниции базовой категории у климатоцентристов не сложилось. Ее содержание оставалось крайне абстрактным для понимания, подвергалось многочисленным (часто противоречащим друг другу) интерпретациям. Поэтому в XIX в. в историософии найден более

конкретный фактор природно-социальных трансформаций: вода.

Аквацентрическая модель в философии истории

Мысль о том, что «начало всего – вода» приписывают еще основателю Милетской школы Фалесу (640/624–548 гг. до н. э.) [10, с. 71]. Аристотель же полагал, что, по Фалесу, сама земля держится на воде «благодаря своей плавучести подобно дереву или чему-то в этом роде» [1, с. 268]. Античный философ-диалектик Гераклит из Эфеса (544–483 гг. до н. э.) пояснял на примере воды изменчивость мира в знаменитых утверждениях: «Все течет, все изменяется», «нельзя в одну и ту же реку войти дважды». Так что совсем новой признать данную идею нельзя.

Более того, вывод о важности воды для жизни людей и социума можно было сделать эмпирическим путем: наблюдая соотношение водного пространства и суши на поверхности Земли, потребность человека в питье для выживания, сезонное выпадение осадков в виде дождя или снега, жидкого состояния семени многих живых существ и т. п. признакам. Не чужды данному тезису позднее оказались и некоторые климатоцентристы. Скажем, у Ж. Бодена можно встретить такое замечание: «даже препятствие в виде одной-единственной реки обуславливает различие в природе народов. Когда у реки, отделяющей южан от северян, довольно большая протяженность… то общение и торговля между народами затруднены. Поэтому между этими народами часто вспыхивают междоусобицы» [4, с. 123]. Отечественный историософ начала XX в. В. М. Хвостов, показывая влияние данной стихии на социум, даже отмечал: «Вся всемирная история сложилась бы иначе, если бы на земле было *другое распределение суши и моря* (не 29,2 на 70,8 % соответственно – *В. Н.*)» [29, с. 218]. Как могла бы сложиться социальная история при ином соотношении суши и воды – тема отдельного анализа, требующего специальной методологии [см.: 22], но с философом трудно не согласиться.

В результате предпосылка акавацентрической модели оказалась эмпирической: окружавшие сушу, где жили люди, располагавшиеся на ней самой водные массивы, не могли не натолкнуть мыслителей, ученых на предположение об их доминировании в историческом процессе, построении на подобной основе теоретической конструкции.

Однако для создания особой историософской модели требовалось нечто большее: классифицировать имеющиеся водные «источники», установить степень влияния каждого на ход исторического процесса, поставить их в зависимость от иных факторов. Задачу решил (на качественно иной научной базе, чем была в XVI–XVIII вв.) отечественный географ, историософ XIX в. Л. И. Мечников в работе «Цивилизация и великие исторические реки» [18].

По мнению автора, базовые положения аквацентрической модели могут быть обобщены следующим образом. Становление цивилизации существенным образом зависит от типа водоема, под влиянием которого она развивается. Данных водных бассейнов насчитывается три: реки, моря, океаны. Существует специальный закон исторического развития, выражающий их динамику, гласящий: речную цивилизацию сменит морская, ее – океаническая [18, с. 328]. По мнению Л. И. Мечникова, «четыре древнейшие великие культуры (китайская, индийская, ассиро-вавилонская, египетская – *В. Н.*) все зародились и развивались на берегах больших рек» [18, с. 328]. «По прошествии ряда веков *поток цивилизации* (курсив мой – *В. Н.*) спустился к морю и распространился по его побережью» [18, с. 329]. Так появилась первая морская, средиземноморская цивилизация. Затем благодаря открытиям Х. Колумба приходит черед становления океанической цивилизации. Причем Л. И. Мечников выводит определенную закономерность: речные цивилизации – замкнутые (автаркичные), морские – региональные, океанические – международные (говоря современным языком – глобальные) [18, с. 334]. Отсюда выделялись три вида обществ (цивилизаций): речные, морские, океанические, сменявшие друг друга.

Каковы заслуги аквацентристской модели в формировании философии истории, отражающей коэволюцию природного и социального мира, вызванную ей причинность? Во-первых, выделен четкий эмпирически фиксируемый, монистический фактор исторических трансформаций – водные бассейны различных объемов. (Вместо «чехарды» из «воздуха», «испарений почвы», «крови» людей и т. п. факторов, как у климатоцентристов.) Во-вторых, определена динамика движения человечества из-за подобной детерминанты (сначала вдоль рек, потом – выход в более широкий средиземноморский регион, распространение по его побережью, переход на глобальный – океанический уровень). Символично, что, как и сама вода,

у Л. И. Мечникова цивилизация «течет» («поток цивилизации спустился к морю»), т. е. как бы принимает динамику базового фактора. В-третьих, Л. И. Мечниковым выведен закон смены трех фаз развития цивилизации: речной –морской – океанической. Хотя ученый и не дает его точной формулировки, но это был существенный шаг вперед по сравнению с климатоцентризмом Ж. Бодена – Ш. Монтескье, где такие закономерности универсального порядка не фиксировались, а преобладали эмпирические обобщения. В-четвертых, аквацентрическая модель выступала не только как описательная, но и как прогностическая. Так, Л. Мечников выводит на основе своего закона умозаключение о судьбе речной цивилизации. Она «должна рано или поздно погибнуть: или быть поглощенной в широком потоке, или развиться в более обширную морскую цивилизацию» [18, с. 333–334]. В-четвертых, Л. И. Мечниковым высказана плодотворная (в XX в. подхваченная сторонниками мир-системного анализа [3, с. 51–53]) идея о перемещении «центра цивилизации» из одного региона в другой, символами которого выступают определенные города, т. е. своеобразной «исторической эстафете». Так, при смене цивилизации с морской (средиземноморской) на океаническую-атлантическую, по мнению ученого, «Константинополь, Венеция и Генуя потеряли свое значение, и во главе культурного движения встали Лиссабон, Париж, Лондон и Амстердам» [18, с. 335]. В-пятых, всемирная история представлена как движущаяся от локальных, замкнутых (речных) цивилизаций к региональным (морским) и глобальным (океаническим).

Разумеется, многие идеи, высказанные в аквацентрической модели, так и остались не развитыми, не получили подробного изложения у Л. И. Мечникова, оказались востребованными только в XX в.

Рассмотрим и недостатки реконструируемой модели. Одно из возражений эмпирического порядка, которое можно поставить в упрек аквацентризму в редакции Л. И. Мечникова, звучит так: а где же озера? Ведь данный вид водных пространств тоже оказал существенное воздействие на генезис цивилизации. Так, Великие озера повлияли на становление специфического варианта социума: североамериканской цивилизации (США и Канада), возникновение ряда крупных городов-портов (Чикаго, Милуоки, Детройт, Кливленд, Буффало, Торонто). Важно, что данная система водоемов содержит 84 % пресной воды североамериканского континента. Немало народов сформировалось на берегах озера Байкал еще до появления там русских в XVII в. (эвенки, буряты, баргуты и др.). Аральское и Каспийское моря тоже являются по сути большими озерами, вокруг которых располагались значительные группы людей. Так что «озерные цивилизации» тоже имели бы право на существование. Правда, здесь крылся и порок, который Л. И. Мечников, видимо, интуитивно, попытался избежать: искусственно ограничил модель тремя типами водоемов (реки, моря, океаны), чтобы не принимать в расчет иные виды водного пространства. Однако такой подход существенно обеднил, схематизировал аквацентризм.

Кроме того, по свидетельству самого Л. И. Мечникова, выявить отличия водоемов (морей и океанов) между собой сложно. «Но всякий океан, в особенности Атлантический, есть не что иное, как более обширное внутренне межматериковое море. Всякое внутреннее море является океаном в миниатюре… Вообще все исторические подразделения имеют чисто условный и относительный характер…» [18, с. 334]. Сюда можно добавить и иные «трудности». Некоторые обозначенные на географических картах моря (Аральское, Каспийское) по сути являются большими озерами (ибо не имеют связи с иными морями), а озера (Байкал) близки по размерам к морям. Соответственно, классификация цивилизаций на такой основе становится достаточно относительной, но критериев размежевания таксономических (классификационных) единиц, их границы ученым не предложены. Это, на мой взгляд, – предмет работы специалистов, которые попытаются возродить аквацентризм в современной философии истории.

Следующий контраргумент заключается в том, что закон Л. И. Мечникова о движении цивилизации по линии реки – моря (средиземноморский регион) – океаны (побережье Атлантики) «есть в сущности не закон в смысле общей формулы, но только краткий пересказ хода всемирной истории» [29, с. 220]. Согласиться с этим положением сложно. «Общая формула» (выраженная динамикой смены цивилизаций и их порядком) в его модели присутствует.

Третий контраргумент заключен в том, что Л. Мечников «ничего не сказал ни о причинах возникновения первых цивилизаций, ни о силах, которые определили переход от одного великого периода в развитии цивилизованного человечества к другому» [24, с. 208]. Формально ученый действительно

считает вопрос о происхождении цивилизации на Земле «неразрешимым» [18, с. 328], одним из «самых темных» [18, с. 326], не указывает прямо: почему речные цивилизации сменяются морскими, а те – океаническими? Ответ следует, на мой взгляд, искать косвенный в оговорке, что законы смены цивилизаций «протекали каждый в своей собственной географической среде» [18, с. 328]. Здесь есть, на мой взгляд, не до конца проработанная попытка выделить популярный ныне среди социальных теоретиков механизм «вызов – ответ» [9], который в XX в. будет обоснован применительно к цивилизациям А. Дж. Тойнби [26, с. 119–120].

В аквацентризме географическая среда в лице разнотипных водоемов задает некие «рамочные» условия, которые должны преодолевать живущие в данной местности люди («вызов»), что порождает «ответ» (конкретные социальные образования локального или глобального типа). Когда потенциал развития «ответа» в одной фазе истории исчерпывался, начинается следующий. А. Тойнби говорит практически о том же самом, что и Л. И. Мечников. О роли рек в становлении цивилизации: «Первые вызовы, которые можно зафиксировать в человеческой истории, были сделаны дельтами рек – Нила, Иордана, Тигра и Евфрата, Инда...» [26, с. 113]. «Афразийская засуха заставила отцов шумерской цивилизации переселиться в устья рек Тигра и Евфрата и преобразовать болотистые низины в плодородную землю» [25, с. 114]. Минойская же цивилизация, по мнению А. Тойнби, «была ответом на вызов, *не встречавшийся еще ранее* (курсив мой – *В. Н.*), − вызов моря» [25, с. 116], названный им «вызов Посейдона» [26, с. 118], т. е. в его концепции развитие цивилизаций, как и у Л. И. Мечникова, тоже идет от речных к морским. Совпадают и итоги. «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние» [26, с. 119−120]. Л. И. Мечников, наверно, согласился бы с этим умозаключением относительно влияния речных, морских, океанических цивилизаций на становление конкретного социума.

Есть здесь и существенное отличие позиций. Для А. Тойнби «вызов» задается более широким комплексом факторов (а не только водоемами, как у Л. И. Мечникова). Он указывал субъекта формирования «ответа» − «творческое меньшинство» [26, с. 259], чего не было в аквацентристской модели. Но без аквацентризма выделение механизма «вызов-ответ» в более «зрелом» цивилизационном подходе XX в. тоже, на мой взгляд, не состоялось бы.

Наконец, на мой взгляд, Л. И. Мечников не избежал порой категоричных обобщений в духе климатоцентризма Ж. Бодена − Ш. Монтескье, принятия его отдельных положений (что говорит о некоторой преемственности обеих моделей). О южных народах (якобы до сих пор не создавших «прочной цивилизации») он, в частности, писал: «жители жаркого пояса, получая в изобилии и *почти без всяких координированных усилий с их стороны* (курсив мой – *В. Н.*) все необходимое для материального благоденствия, по этой причины лишены единственного стимула к труду, к изучению окружающего мира и к солидарной, коллективной деятельности». Да и околополярные области на крайнем севере и юге тоже якобы из-за климата непригодны для «образования мощных человеческих коллективов» [18, с. 273]. Отсюда в Старом Свете, Индии, Иране цивилизации «сосредоточены исключительно в умеренном поясе» [18, с. 274]. К сожалению, подобный тезис, в значительной мере устаревший во второй половине XIX в., противоречивший эмпирическим данным (особенно о «беззаботной» жизни и вызванной ею перманентной «лени» южных народов), не был подвергнут ревизии и в аквацентризме Л. И. Мечникова.

Заключение

Как оценивают географический детерминизм в климато- и аквацентрической версиях современные специалисты по философии истории? Довольно по-разному. И. А. Гобозов видит позитив в отрицании теологической трактовки движущих сил исторического процесса, а негатив – в невозможности учесть «качественное своеобразие общества» [8, с. 39]. Ю. И. Семенов полагает, что Ш. Монтескье, Л. Мечников и иные мыслители, придерживающиеся аналогичной позиции, верно отметили влияние климата на формы государственного правления, но «для понимания причин развития общества географический детерминизм <...> не давал по существу ничего» [24, с. 157]. Согласиться с подобными суждениями полностью нельзя. Географический детерминизм содержал позитивные моменты как в методологическом, так и в мировоззренческом плане, полезные для становления философии истории и смежных с ней дисциплин. Остановимся лишь на некоторых из них:

1. Данная позиция не только отрицала теологию, но заставляла ученых-гуманитариев

и философов обращать пристальное внимание на физические факторы (диапазон которых постоянно расширялся), что позволяло создать более точные модели исторического процесса, препятствовало редукции последнего исключительно к социальной истории (тенденция к которой наметилась в античности и средневековье у историков и философов, осмыслявших прошлое).

2. Соединение климатоцентризма и аквацентризма (с добавлением сюда такого важного географического фактора, как суша) даст в будущем, в XX в., «всходы» в виде столь неоднозначной дисциплины, как геополитика [28, с. 28–30]. Но ясно, что без исследований Ж. Бодена, Ш. Монтескье и Л. Мечникова она бы не смогла появиться.

3. Влияние географического детерминизма прослеживается в одной из первых в XIX в. спекулятивных (идеалистических) моделей философии истории, нашедшей отражение у Г. В. Ф. Гегеля [6]. Конечно, для немецкого философа история мыслится как сфера манифестации Мирового духа (разума) [6, с. 65]. Прогресс выражается в осознании людьми свободы: «восточные народы знали только, что *один* (правитель – *В. Н.*) свободен, а греческий и римский мир знал, что *некоторые* (наделенные гражданскими правами – *В. Н.*) свободны, мы же знаем, что свободны все люди в себе, т. е. человек свободен как человек» [6, с. 72], ибо так развивается Мировой дух. Однако Г. Гегель вслед за Ж. Боденом, Ш. Монтескье и другими географическими детерминистами признает, что у всемирной истории есть, помимо главной (духовной), еще и «географическая основа» [6, с. 126–146]. Последняя – лишь «внешняя» историческая почва для манифестации Духа, но и ее тоже важно знать [6, с. 126]. Философ выделил три вида географических ландшафтов, участвующих в образовании государств: 1) плоскогорье; 2) низменности; 3) прибрежные (прилагающие к морям) территории [6, с. 134–135]. Верно (еще до появления аквацентризма Л. Мечникова) отметил решающую роль рек при образовании восточных государств и то, что они объединяют народы, ибо «страны суть не что иное, как бассейны рек» [6, с. 135], а также – морей [6, с. 135–136]. Даже ход всемирной истории у Г. Гегеля носил ярко выраженный географический характер: с Востока на Запад, «так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало» [6, с. 147]. В итоге (несмотря на фрагментарную разработку данных идей) позиция Г. Гегеля выступала переходной от климато- к аквацентризму концепцией в рамках географического детерминизма.

4. Рассуждения Ш. Монтескье, Вольтера и других мыслителей эпохи Просвещения о важной роли климата в истории дошли до правителей, оказали влияние на принятие соответствующих решений, использование определенных управленческих технологий, т. е. становление системы властных отношений в европейской (западной) традиции. Так, в работе наследника престола Пруссии Фридриха, написанной за год до восхождения на трон и начала превращения в короля, которому современники заслуженно дали прозвище «Великий», читаем: «Различие климата, питания и воспитания людей создает абсолютное неравенство между ними в жизни и умонастроении, а в этом и заключается причина того, что, например, итальянский монах является человеком совсем другого рода, нежели китайский мудрец» [27, с. 28]. Представления о решающей роли географии (вкупе с органицистским отождествлением государства и организма, «тела») в деле государственного строительства можно найти и в таком высказывании Фридриха: «Государи являются первоначалом движения в государственном теле, и им нельзя оставлять центра своих владений, дабы не пришли в упадок уже находящиеся под их властью территории» [27, с. 24]. Здесь речь идет об определенной управленческой технологии, порожденной исследуемой историософской концепцией.

О необходимости учета экологической проблематики в ходе государственного регулирования экономической и политической сфер говорят и современные ученые [21]. В этом тоже очевидна определенная заслуга Ж. Бодена, Ш. Монтескье, Л. И. Мечникова и их последователей XVIII–XIX вв.

5. В гносеологическом плане географический детерминизм повлиял на формирование в XX в. целого ряда концепций. Сюда можно отнести: «вызов-и-ответ» А. Тойнби (у него один из вариантов «вызова» как раз и приходит от природной, в т. ч. водной и климатической среды); «гелиотаксии» А. Чижевского (реконструирующей циклы влияния Солнечной активности на социальную историю); этногенеза Л. Н. Гумилева (ее базовая посылка – приходящий из космоса «пассионарный толчок» запускает механизм формирования различных этносов, их становления в рамках природной среды, продолжающегося около 1200 лет); «социоестественную историю» Э. С. Кульпина [15], «климатологическую» версию европейской средневековой истории Э. Ле Руа

Ладюри [16], экоцентризм (как альтернатива антропо- и биоцентризму) [13] и др. Значит, географический детерминизм в целом, климато- и аквацентризм – в частности стали специфическими историософскими парадигмами, т. е. дали базовые положения, из которых в дальнейшем выросли ряд частных концепций.

Действительно, при таком подходе мыслители не всегда находили ответы на многие вопросы. Почему одни народы (жившие на территории со сходным климатом) развиваются гораздо быстрее других? Почему человек смог (в отличие от иных животных) не только приспособиться к окружающей среде, но и приспособить ее для удовлетворения собственных потребностей? Продолжает ли географическая среда оказывать решающее влияние на развитие современного общества или в нем на первый план выходят иные (техника, наука) факторы? Однако и отрицать заслуги сторонников географического детерминизма (в климато- и аквацентрической версиях) на становление философии истории не только в XVI–XIX вв., но и в XX в. не имеет смысла.

1. Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М. : Мысль, 1969. 580 с.

2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. 701 с.

3. Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб. : Питер, 2014. 288 с.

4. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М. : Наука, 2000. 412 с.

5. Бокль Г. История цивилизации в Англии. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1896. 652 с.

6. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 480 с.

7. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977. 703 с.

8. Гобозов И. А. Введение в философию истории. М. : Гуманитар. знание, 1993. 307 с.

9. Губанов Н. Н., Губанов Н. И., Волков А. Э. Вызов Аполлона как драйвер системы образования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2017. № 4 (26). С. 12–22.

10. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1979. 620 с.

11. Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о Поэзии и Живописи. М. : Искусство, 1976. 767 с.

12. Историки античности : в 2 т. Т. 1. М. : Правда, 1989. 624 с.

13. Кишкин Н. В., Нехамкин В. А. Понятие «эконцентризм»: научно-философское содержание // Гуманитарный вестник. 2017. № 8 (58). С. 4. URL: http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/459.html (дата обращения: 24.04.2018).

14. Кузнецов В. Н. Франсуа Мари Вольтер. М. : Мысль, 1978. 223 с.

15. Кульпин-Губайдулин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории – к практике. Волгоград : Учитель, 2014. 336 с.

16. Ладюри Э. Л. История климата с 1000 года. Л. : Гидрометеоздат, 1971. 280 с.

17. Ламетри Ж. О. Сочинения. М. : Мысль, 1983. 509 с.

18. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М. : Прогресс : Пангея, 1995. 464 с.

19. Молешотт Я. Физиологические эскизы. М. : Изд-во Н. Полякова, 1865. 412 с.

20. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 803 с.

21. Нифаева О. В., Нехамкин А. Н. Цивилизованная модель российской экономики: прошлое, настоящее, будущее // Экономика и предпринимательство. 2013. № 12-3 (41-3). С. 55–60.

22. Нехамкин В. А. Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 102–120.

23. Раппопорт Х. Философия истории в ее главнейших течениях. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1898. 180 с.

24. Семенов Ю. И. Философия истории. От истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М. : Старый сад, 1999. 380 с.

25. Страбон. География. М. : Ладомир, 1994. 942 с.

26. Тойнби А. Постижение истории. М. : Прогресс, 1991. 730 с.

27. Фридрих Великий. Анти-Макиавелли, или Опыт возражения на Макиавеллиеву науку об образе государственного правления. М. : РИПОЛ-классик ; СПб. : Пальмира, 2017. 243 с.

28. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М. : Мысль, 2001. 426 с.

29. Хвостов В. М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории : курс лекций. М. : Ком Книга, 2006. 392 с.

References

1. Antologiya Mirovoj filosofii (1969): v 4 t. T. 1. Ch. 1. Moscow, Mysl', 580 p. [in Rus].

2. Aristotel' (1983) Sochineniya: v 4 t. T. 4. Moscow, Mysl', 701 p. [in Rus].

3. Attali Zh. (2014) Kratkaya istoriya budushchego. St.Petersburg, Piter, 288 p. [in Rus].

4. Boden Zh. (2000) Metod legkogo poznaniya istorii. Moscow, Nauka, 412 p. [in Rus].

5. Bokl' G. (1896) Istoriya civilizacii v Anglii. St. Petersburg, Tipografua Yu.N. Ehrlih, 652 p. [in Rus].

6. Gegel' G.V.F. (1993) Lekcii po filosofii istorii. St.Petersburg, Nauka, 480 p. [in Rus].

7. Gerder I.G. (1977) Idei k filosofii istorii chelovechestva. Moscow, Nauka, 703 p. [in Rus].

8. Gobozov I.A. (1993) Vvedenie v filosofiyu istorii. Moscow, Associaciya gumanitarnoe znanie, 307 p. [in Rus].

9. Gubanov N.N., Gubanov N.I., Volkov A.E. (2017) *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya*, no. 4 (26), pp. 12–22. [in Rus].

10. Diogen Laehrtskij (1979) O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filosofov. Moscow, Mysl', 620 p. [in Rus].

11. Dyubo Zh.-B. (1976) Kriticheskie razmyshleniya o Poehzii i Zhivopisi. Moscow, Izd-vo Iskusstvo, 767 p. [in Rus].
12. Istoriki antichnosti (1989): v 2 t. T. 1. Moscow, Pravda, 624 p. [in Rus].
13. Kishkin N.V., Nekhamkin V.A. (2017) *Gumanitarnyj vestnik: jelektronnyj zhurnal*, no. 8 (58), p. 4. Available at: http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/459.html, accessed 24.04.2018 [in Rus].
14. Kuznecov V.N. (1978) Fransua Mari Vol'ter. Moscow, Mysl', 223 p. [in Rus].
15. Kul'pin-Gubajdulin Eh.S. (2014) Socioestestvennaya istoriya: ot metoda k teorii, ot teorii – k praktike. Volgograd, Uchitel', 336 p. [in Rus].
16. Ladyuri E.L. (1971) Istoriya klimata s 1000 goda. Leningrad, Gidrometeoizdat, 280 p. [in Rus].
17. Lametri Zh.O. (1983) Sochineniya. Moscow, Mysl', 509 p. [in Rus].
18. Mechnikov L.I. (1995) Civilizaciya i velikie istoricheskie reki. Moscow, Progress, Pangeya, 464 p. [in Rus].
19. Moleshott Ya. (1865) Fiziologicheskie ehskizy. Moscow, Izdatel'stvo N. Polyakova, 412 p. [in Rus].
20. Montesk'e Sh.L. (1955) Izbrannye proizvedeniya. Moscow, Gospolitizdat, 803 p. [in Rus].
21. Nifaeva O.V., Nehamkin A.N. (2013) *Jekonomika i predprinimatel'stvo,* no. 12-3 (41-3), pp. 55–60 [in Rus].
22. Nekhamkin V.A. (2011). *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii,* no. 1 (4), pp. 102–120 [in Rus].
23. Rappoport H. (1898) Filosofiya istorii v ee glavnejshih techeniyah. St.Petersburg, Tipografiya Yu.N. Ehrlih, 180 p. [in Rus].
24. Semenov Yu. I. (1999) Filosofiya istorii. Ot istokov do nashih dnej: osnovnye problemy i koncepcii. Moscow, Staryj sad, 380 p. [in Rus].
25. Strabon (1994) Geografiya. Moscow, Ladomir, 942 p. [in Rus].
26. Tojnbi A. (1991) Postizhenie istorii. Moscow, Progress, 730 p. [in Rus].
27. Fridrih Velikij (2017) Anti-Makiavelli, ili Opyt vozrazheniya na Makiavellievu nauku ob obraze gosudarstvennogo pravleniya. Moscow, RIPOL-klassik, St.Petersburg, Pal'mira, 243 p. [in Rus].
28. Hauskhofer K. (2001) O geopolitike. Raboty raznyh let. Moscow, Mysl', 426 p. [in Rus].
29. Hvostov V.M. (2006) Teoriya istoricheskogo processa. Ocherki po filosofii i metodologii istorii. Moscow, Kom Kniga, 392 p. [in Rus].

For citing: Nekhamkin V.A.
Geographical necessarianism as a movement in philosophy of history of XVIII–XIX centuries: possibilities and limits //
Socium i vlast'. 2018. № 3 (71). P. 119–128.

UDC 140.8; 910.1

GEOGRAPHICAL NECESSARIANISM AS A MOVEMENT IN PHILOSOPHY OF HISTORY OF XVIII–XIX CENTURIES: POSSIBILITIES AND LIMITS

Valery A. Nekhamkin,
Bauman Moscow State Technical University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 119602,
Moscow, ulitsa Nikulinskaya, d. 15, building 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Annotation
The article gives evaluation to the role of geographical necessarianism in forming philosophy of history of XVIII–XIX centuries. The author justifies the thesis according to which this movement proceeds from the assumption of involving social history into natural environment, their co-evolutional development in contrast with anthropocentric historiosophy dominated before. In the framework of geographical necessarianism the author points out the following models: climatocentric and aquacentric. It is stated that the followers of the first model proceeded from climate dominating, the second – of water dominating in their impact on the society. Factors, fundamental propositions, positive sides and drawbacks of each model are pointed out. The author shows heuristical potential of these models in historiography of XVIII–XIX centuries. The author points out to ambiguous impact of climate centrism and aqua centrism on developing different conceptions in the philosophy of history of XX–XXI centuries. It is shown that geographical necessarianism acted in the role of a specific paradigm in historiography of XX century and later.]

Key concepts:
model,
geographical necessarianism,
climatocentrism, aquacentrism,
philosophy of history.